С разрушением Экснихлио и восстановлением погранных физических законов, временной адский шторм на краю галактики стих. Искажаемые Дыханием Богов и пленёнными хрудами потоки времени вернулись на надлежащее место, перечеркнув тысячелетия повреждений.

Звёзды, которые должны были умереть эпохи назад и которые Дыхание Богов вернуло к жизни, сгорели ещё раз. Те же, чьи жизни выпили, теперь вспыхнули с возобновлённой яростью и светом.

Системное пространство вокруг мира-кузни Телока было переполнено электронно-магнитными возмущениями и пробелами пространства-времени, которые сохранятся до гибели вселенной, но это являлось небольшой ценой за восстановление будущего.

Шрам Ореола исчез, но “Сперанце” всё равно потребовалось почти два месяца на возвращение в имперское пространство. Экснихлио прекратил существование; предсмертные временные вторичные толчки и месть хрудов всего за несколько часов превратили его в не более чем инертную породу возрастом в миллиарды лет. Сверкающее поле обломков из серебряных частиц, обернувшее его труп, – вот всё что осталось от Дыхания Богов.

Чтобы убедиться, что адская машина Телока никогда не будет восстановлена, “Сперанца” обрушила на обломки весь свой непостижимый арсенал. Хронометрические орудия, излучатели антиматерии и гипометрическое оружие такой мощи, что могло заставить целые регионы космоса просто прекратить существование.

Никто не знал, кто отдал приказ открыть огонь.

Робаут Сюркуф был единственным, кто понимал роль жертвы Бьеланны Фаэрэльль. Но разумы смертных не умели долго сохранять такое знание и его память о пряже уже исчезала. Он попытался написать в дневнике о том, что видел, но сами концепции оказались для него слишком чуждыми, экзистенциальными и болезненными для чёткого изложения в письменной форме.

Он и выжившая команда “Ренарда” оплакали смерть Адары Сиаваша на скромной церемонии в небольшом храме левого борта, прося Императора присмотреть за душой павшего друга.

Гнев архимагоса Котова на Иланну Павельку, в конечном счёте, опустился до приемлемого уровня, чтобы он, наконец, позволил ей пройти процедуры восстановления в одном из храмов-кузниц “Сперанцы”.

Когда настал день для биомеханической хирургии, Робаут с удивлением увидел самого Котова во главе группы из шестнадцати нейромагосов и когнитивно-оптических специалистов. Тридцать шесть часов спустя работа была завершена.

Потребовалось три месяца, чтобы нервная архитектура Павельки регенерировала необходимые синаптические связи для обработки загрузок от новой оптики.

К тому времени пути “Ренарда” и “Сперанцы” уже разошлись.

Сидя за штурвалом, Робаут Сюркуф положил руку на компас астронавигации. Стрелка твёрдо указывала на их новое место назначения.

Ультрамар.

Военные подразделения продолжили сопровождать экспедицию, как сопровождали и во время путешествия из Империиума в неизвестный космос. Они тренировались, отдыхали, вспоминали мёртвых. Задание было выполнено и для гвардейцев Кадии это являлось самым важным.

Это и факт, что они остались живы.

Полковника Вена Андерса поместили в криокамеру. Его смертные останки вернут на Кадью, где придадут земле на одном из многочисленных кладбищ каср Хольна, пока следуя закону Читаемости, их не переместят в одну из погребальных ям.

Церемония поминовения павших прошла на тренировочной палубе. Все до единого гвардейцы 71-го стояли по стойке “смирно” перед дворцом Мира. Титаны легио Сириус возвышались над собравшимися, на победных знамёнах могучих машин недавно появились геральдические символы Кадии и Марса.

“Лупа Капиталина” и “Канис Ульфрика” расположились по краям дворца Мира, а “Амарок” и “Вилка” стояли среди шести тысяч кадианцев в серых мундирах и прижатые к плечам лазерными ружьями.

Брат Яэль из Чёрных Храмовников стоял в эбеновом доспехе, чей блеск восстановили лучшие мастера “Сперанцы”. Скорбь молодого воина была настолько ощутимой и сильной, что никто не осмелился подойти к нему, предоставив нести память о павших братьях в одиночестве.

Магос Дахан и подразделения элитных скитариев стояли плечом к плечу с кадианцами, которые сражались, чтобы защитить их корабль. Тысячи кибернетических солдат и сервиторов-преторианцев прошли торжественным маршем мимо трибуны, гордо сжимая оружие и знамёна.

Сам Дахан стоял рядом с капитаном Блейном Хокинсом, который произносил Обращения к павшим. Как только произнесли последнее благословение, звуки боевых горнов легио Сириус заполнили палубу.

Одновременно победным рёвом и плачем.

Глубоко ниже ватерлинии, на палубах корабля, покинутыми всеми кроме самых отчаянных крепостных и техножрецов, одинокая фигура пробиралась по капающему коридору. В

последний раз Хоук приходил сюда примерно шесть месяцев назад в поисках места для нового самогонного аппарата.

С тех пор мало что изменилось.

Жилища, представлявшие собой немногим больше, чем ящики, натянутый брезент и подбитые ватой упаковочные материалы, заполняли каждый укромный уголок и закоулок, наглядно доказывая, что люди могли сделать домом даже самые мрачные места.

В этом конкретном жалком районе проживали не больше нескольких сотен человек, что делало его несколько больше остальных подобных убежищ. После абордажа кристаллических существ, всё больше и больше подобных мест возникало ниже ватерлинии. Всё было, как и на Джоуре, сюда стекались те, кто больше не мог работать или доказать свою полезность.

Хоук остановился на перекрёстке окутанных шлейфами вентиляционного дыма тёмных проходов, когда по спине побежали мурашки от чувства, что за ним наблюдают. Здесь внизу не существовало квадратного сантиметра пространства, откуда на тебя кто-нибудь не смотрел, но это было что-то другое.

Минувшие годы заставили Хоука развить остро отточенное умение, благодаря которому он чувствовал недобрые взгляды. Он не увидел ничего необычного, просто ничем не примечательные недовольные и отъявленные глупцы. Он сказал себе, что у него паранойя, но учитывая, что он нёс, в разумной дозе паранойи не было ничего плохого.

Он продолжил путь, встречая знакомые лица, но незнакомых оказалось намного больше. Это не удивило его. Круговорот вещей постоянно выбрасывал в подобные места людей с рухнувшими жизненными устоями.

И не только крепостных.

Опальные техножрецы, повреждённые лексмеханики и прочие представители Механикус также оказывались здесь. Больше, чем ожидал Хоук, но это предоставляло и новые возможности. Именно покинутые и изгнанные чаще всего становились лучшими покупателями его ходовых товаров.

Но Хоук пришёл не торговать.

Сегодня он пришёл за чем-то большим.

Потребовалось немало времени, чтобы вернуться в “Электрус”. Манубия презирала его и всегда говорила, что ему не рады в её кузнице, не смотря на тот факт, что она каждый день приветствовала сотни прихожан, которые приходили увидеть Незрячего Святого.

Это кровь Хоука позволила продлить Авреему жизнь!

Разве благодаря этому он не становился также кем-то вроде праведника?

Но Манубия не могла не пускать его вечно и, в конце концов, ему удалось проскользнуть мимо её протекторов. И вот теперь он пришёл сюда в поисках подпольной клиники, которая, как он надеялся, всё ещё оставалась здесь.

Мешочек похожего на пепел порошка покоился в кармане его рабочей одежды. Эта была смесь, которую ему было непросто приготовить. Оставшееся от кристаллических тварей вещество, смешанное с мощным коктейлем стимуляторов и насыщенными электромагнитным излучением выбросами самых современных когитаторов.

Он назвал его НьюБлэк, и оно уже попало в список запрещённых веществ, потому что вызывало сильное привыкание у тех, кто обладал основанной на инфотоке биологией.

Что только сделало его ещё желаннее для человека, которого он надеялся найти.

Хоук усмехнулся, когда увидел ничем не примечательную дверь в подпольную клинику на том же месте, что и раньше. Он оттолкнул помятый ставень и ленты толстого пластика, и поморщился от запаха горячего металла, дешёвых дезинфицирующих средств, тухлого мяса и палёной кожи.

Сутулый техножрец в рваной и испачканной маслом мантии выцветшего оранжевого цвета повернулся к нему, когда он вошёл. На его спине располагалась шипящая и скрежетавшая конструкция из ржавых металлических рук, а наполовину человеческое наполовину металлическое лицо выглядело серым и прокажённым.

- Хоук, - с нескрываемой враждебностью произнёс техножрец. - Чего тебе нужно?

- Привет, Дадамакс, - сказал Хоук, осматривая грязный интерьер подпольной клиники. - Вижу у тебя как всегда чисто.

Вдоль одной из стен стояли шипящие канистры с ядовитыми газами, из которых химические вещества убегали в неизвестном направлении по булькающим трубкам. Части разобранной аугметики и соединителей с плотью лежали отдельными фрагментами на грязных верстаках. В стеклянных шкафах с потрескавшимися и непрозрачными от грязи дверями располагались многочисленные банки, о содержимом которых лучше не стоило задумываться.

- Я задал тебе вопрос, - сказал Дадамакс. - Я уже говорил, что не хочу тебя видеть. Ты привлекаешь слишком много внимания. Мне не стоило продавать тебе тот древний плазменный пистолет.

Хоук притворился обиженным.

- Да ладно, Дада, мой старый друг, прекращай, - сказал Хоук, вынув мешочек НьюБлэка и помахав перед собой. - Я принёс тебе небольшой подарок.

Дадамакс следил за мешочком с жалкой смесью надежды и отвращения. Говорили, что Дадамакс не принимал уже несколько недель и пытался заслужить возвращение на верхние палубы, но Хоук готов был биться об заклад, что тот возьмёт мешочек и сделает то, о чём он попросит.

Одна из рук-манипуляторов заскрипела и выхватила мешочек из пальцев Хоука.

- Что ты за это хочешь? - спросил Дадамакс.

- Ничего особенного, просто небольшая операция по имплантации.

Дадамакс с интересом посмотрел на него:

- Для кого?

- Для меня, - ответил Хоук, протягивая аугметические глаза Авреема Локка.

Водан наблюдал, как смертный остановился в начале затенённого коридора. Человек осматривался, словно знал, что за ним наблюдают. Водан немного отступил в темноту и обволакивающие облака пара.

От смертного исходил неприятный запах, почти вонь. Все они так пахли, но этот нёс мешочек едких химикатов, вредных для механизированной анатомии. Мерцание любопытного кода дрейфовало из-под его одежды. Нечто маленькое, но всё же совершеннее большинства других технологий, которыми Водан питался после того как покинул планету заклинателя гейса.

Кодовый аромат добычи, которую его первоначально послали убить, присутствовал на борту корабля, но Водана он больше не интересовал. Телок погиб, и Водан освободился от наложенных гейсом строгих запретов.

Водан мог убить смертного и сожрать любопытный код, но не желал идти на риск случайного разоблачения, сколь бы заманчивой не казалась награда.

Не сейчас, когда корабль нёс его к целому миру добычи.

Водан выбрался из-под обломков линейного индукционного поезда со сломанным

позвоночником. Это обстоятельство, а также пагубный код вражеского оружия снизили эффективность технологии самовосстановления, и для возобновления охоты потребовалось больше времени, чем он ожидал.

Слишком поздно он отследил жертву до площади, где нашёл её окружённой армией кристаллитов заклинателя гейса. Без полноценной функции самовосстановления слишком много даже для Водана. Вместо этого он наблюдал за приземлявшимся шаттлом и просчитал его траекторию, чтобы вычислить, откуда он вылетел.

Он ощутил присутствие могучего корабля, буквально заполненного кодовым ароматом цели, и воспользовался случаем. Незаметно вцепившись в корпус шаттла, Водан перенёс холод космоса и достиг этого великолепного судна, военного корабля, ни в чём не уступавшего в размерах боевым баркам, которые его хозяева использовали для массовых убийств.

С тех пор Водан скрывался на нижних палубах, уничтожая только ради пищи, разбивая только самые маленькие машины и выпивая их свет.

Вполне достаточно для существования. Позже он наестся досыта.

Он осторожно отошёл от входа в коридор, направляясь сквозь облака маслянистого пара к логову, которое устроил в заброшенном перерабатывающем зале.

Терпение являлось главным достоинством лучших охотников.

А Водан обладал им в избытке.

Он мог подождать, пока “Сперанца” достигнет Марса.

Блейлок сидел за рабочим столом в своих покоях и смотрел на Марс Вольта. Отражённый свет встроенных люменов и тёмно-красный блеск лакированной поверхности стал для него источником сильного замешательства после возвращения “Сперанцы” в имперское пространство.

Смерть Телока и необъяснимое исчезновение неизбежного катаклизма пространственно-временного оставили много тайн. Его отчёт генерал-фабрикатору содержал бесчисленные примеры неточной методологии и объяснений, испытывавших недостаток в любых непререкаемых фактах.

И архимагос Котов и Робаут Сюркуф оказались невыносимо неточными, повествуя о событиях на мостике, в которых они приняли участие. Котов рассказал Блейлоку о великой битве в инфосфере, богах знания, крепостном и Линье Тихон. И самым метафорическим из всего стал огромный золотой меч, который он ассоциировал с тем, что нёс Омниссия на Пакс Олимп.

Отчёт Сюркуфа относительно последней судьбы эльдаров оказался столь же полон гипербол и аллегорий. То, что имело место психическое событие, являлось несомненным, но рассказам вольного торговца о нитях и потенциальных вариантах будущего, которые соткала воедино ведьма, самое место было в палимпсестах писателя-фантаста улья.

Но самой большой загадкой являлось то, что он постоянно обнаруживал, что сидит перед Марс Вольта и водит кончиками пальцев по деревянной дощечке.

С тех пор, как они покинули Экснихлио, Блейлок пятнадцать раз оказывался за своим рабочим местом, но не помнил, каким образом попал сюда. После проверки катушек памяти он приходил к выводу, что занимался повседневными задачами, которые касались эксплуатации корабля. Затем без любых видимых пробелов или провалов во времени он уже сидел на этой скамье, а его пальцы подёргивались от идеомоторных реакций.

Каждый раз он боролся с желанием отодвинуть дощечку и поспешить в отдалённую часть корабля и с головой погрузиться в новую трудоёмкую работу.

И вот он снова здесь, сидит перед подарком магоса Альхазена и испытывает желание провести дощечкой по краям доски, где заманчиво мерцали комбинации квантовых рун, бинарные пары и благословенные ординальные числа.

Вытравленные на поверхности совершенные геометрические линии обманывали оптику, и Блейлок почувствовал, как его руки подвинули дощечку.

В прошлый раз, когда он воспользовался Марс Вольта, это позволило ему найти архимагоса Котова. Божественная воля Омниссии жила внутри него, поэтому, возможно, оказавшись в шестнадцатый раз у доски, пришло время увидеть, какое послание могло быть получено.

Блейлок двигал дощечку по доске, испытывая любопытное чувство освобождения, открывая одну букву за другой.

Сначала они казались бессмыслицей.

И затем они обрели смысл, но было слишком поздно, чтобы остановиться. Дощечка двигалась по собственной воле. Или скорее по чужой воле.

Т-И-Г-Р, Т-И-Г-Р.

Блейлок застыл на месте.

И оставался в таком состоянии девять часов.

Затем он поднял руку и посмотрел на неё. Поднял вторую.

Блейлок отошёл от рабочего места и начал осматриваться, словно впервые оказался в своих покаях.

- Да, - произнёс он. - Это подойдёт.

Глоссарий:

data-coil - инфокатушка

Dome of Autumn Twilight - купол Осенних Сумерек

NuBlack - НьюБлэк

Rax Olympus - Пакс Олимп

Sightless Saint - Незрячий Святой

<http://tl.rulate.ru/book/30591/660342>